

«Читать... главнейшие случаи прежних времен»: история и идея преемственности в воспитании наследников престола в России XVIII в.
(по материалам РГАДА)

В историографии русского XVIII в. утвердилось мнение, что мужские правления в этом столетии (за вычетом, конечно, Петра Великого и, возможно, Павла I) не оказали серьезного влияния на дискурсивные практики власти. Напротив, устойчивым является представление, что краткие царствования Петра II, Иоанна Антоновича, Петра III и даже Павла I, по сути, мало что изменили в репрезентации власти и социальных представлениях о ней. В этом отношении каждый из подобных этапов воспринимается как малозначительный и в большинстве своем проходной. Вопрос взаимного влияния и/или соположения семантических структур, с одной стороны, апеллирующих к категории власти, а, с другой, выработанных в период мужских правлений XVIII столетия в историографии никогда не поднимался.

Вместе с тем ряд архивных материалов, хранящихся в РГАДА, позволяет по-иному взглянуть на проблему. Так, в Ф. 156 «Исторические и церемониальные дела» содержится дело, озаглавленное «Расписание учебных занятий императора Петра II» (Оп. 1. Д. 198)¹. Дело датировано 21 июля 1727 г., т.е. первыми месяцами пребывания на престоле юного императора. По мнению ряда историков, этот план обучения был составлен А.И. Остерманом². Судя по пометкам в конце текста, документ был представлен к обсуждению и требовал одобрения членов Верховного тайного совета³.

¹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1–4 об.

² Павленко Н.И. Петр II. М., 2006. С. 35–36.

³ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 4 об.

Однако перед нами отнюдь не только история конца 1720-х гг. Первая фраза документа позволяет раздвинуть хронологические рамки использования сохранившегося текста, поскольку указывает на то, что спустя более чем 30 лет документ был затребован из Московского архива в Петербург, куда и был доставлен 2 марта 1760 г.⁴

Следует указать, что этот материал был введен в научный оборот еще в середине XIX в. Сокращенный вариант текста был издан в 1840-х гг. в «Пояснениях и дополнениях» к «Истории Петра II». Практически в том же виде он появился в «Истории России» С.М. Соловьева. «Расписание» было также опубликовано в приложении к монографии Н.И. Павленко⁵.

Обратимся теперь собственно к материалам дела. Перед нами план занятий императора Петра II, рассчитанный на полгода, т.е., по сути, проект начального этапа обучения 12-летнего императора.

В деле содержится не только окончательный вариант текста, но и черновики к нему. Пометки корректирующего и дополняющего характера на полях отражают своего рода дискуссию относительно того, что должен знать и уметь российский монарх. В частности, это касается духовной литературы, которую предписывалось читать Петру II. В основном варианте сказано, что сразу после утренней молитвы императору надлежало читать «божественные книги». Далее следовало более подробное описание таких книг: «в один день евангелисты, в другой — апостольское деяние, а в третьей иная какая божественная книга, например житие святых отцов или сему подобные чтены быть могут». Однако это предложение в тексте выделено, а на полях напротив него написано: «Сей очерченной пункт в белом предложении выпущен, а вместо него написано в оригинальном следующее: “Что надлежит до церкви и молитвы, о том Его Императорскому Величеству донесено

⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.

⁵ История Петра II // Труды Императорской Российской Академии. СПб., 1840. Т. 2. С. 192–195; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 174–177.

будет впредь”»⁶. Кроме того, указано также, что копия документа послана членам Святейшего Синода, при активном участии которых, очевидно, и принимались решения относительно духовной литературы для монарха.

Обучение Петра II предполагалось устроить таким образом, что утром император должен был заниматься в основном тем, что требовало интеллектуального усилия. Во второй половине дня, напротив, на первый план выходила физическая активность (спорт, танцы, прогулки). Два раза в неделю Петр II должен был присутствовать на заседании Верховного тайного совета: таким образом, теоретическая подготовка к управлению страной должна была сочетаться с практическим участием в ее управлении.

Однако самым интересным, как кажется, здесь представляется набор дисциплин, предлагаемый для изучения императором, а также их, своего рода, ротация. Судя по объему часов, отводимых на изучение того или иного предмета, главная роль на начальном этапе обучения монарха принадлежала истории и географии.

Первенство при этом оставалось за историей. Несмотря на указание о том, что каждой из предписанных к изучению наук «надлежит собственное краткое описание сочинить», в целом именно история в тексте описана достаточно детально. Так, изучение императором этой науки было с самого начала оформлено с точки зрения прямого указания на материалы, обязательные к прочтению. Например, для древней истории предполагалось использовать работы Иоганна Гибнера (Хюбнера) (Johann Hübner), названного в тексте Яганом Гибнером⁷. Этот немецкий педагог был автором признанных, в том числе и в России, сочинений по истории и географии. При этом, по мнению современных исследователей, его самый знаменитый и во многом капитальный труд по географии, переведенный на русский в начале XVIII в., аккумулировал значительный объем сведений, собранных к тому

⁶ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 2.

времени в науке⁸. Но, вероятно, в данном случае речь шла все-таки о его исторических работах, таких как «*Bibliotheca historica*» или «*Fragen aus der politischen Historie*»⁹.

Новую историю следовало «трактовать... по поводу господина Пуффендорфа», немецкого историка и философа второй половины XVII в., опубликовавшего несколько томов по истории Европы. К началу царствования Петра II в России уже существовал перевод его «Введения в историю европейскую», осуществленный Гавриилом Бужинским.

История — как древняя, так и новая — фигурирует в плане занятий с понедельника по четверг, география — в понедельник, вторник и четверг, с повторением пройденного материала в субботу. Но на историю в целом был отведен более значительный объем часов, при этом здесь заметна и установка на большую концентрацию внимания. Так, во вторник император, как предполагалось, должен был изучать историю с 9 до 10 час. утра, а потом, после короткого отдыха, с 11 до 12¹⁰. На прочие науки (к которым отнесены «математические части и искусства из механики, оптики и прочее») отведен лишь час в пятницу¹¹.

Из текста документа следует, что изменения были заложены в саму основу системы («Вышереченным образом

⁸ Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950. С. 342–344.

⁹ О Гибнере см.: Страленберг Ф.И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северо-восточная часть Европы и Азии. М.; Л., 1985. С. 24, 101.

¹⁰ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1 об.–2.

¹¹ Обращает на себя внимание и включение в программу обучения охоты («ловля на острову»). Конечно, в традиции Московского царства охота была неотъемлемой частью церемониала, выполняя сакральные функции: на символическом уровне она воспроизводила важный для властной репрезентации сюжет о победоносном сражении с врагом. Вместе с тем, как известно, для властного дискурса начала XVIII в. коннотации такого рода не просто отошли на второй план, а на какое-то время исчезли. Потребность в символической «войне» — по крайней мере, в тех формах, которые предлагало XVII столетие — перестала быть актуальной. Включение охоты в список обязательных занятий, очевидно, было данью известному увлечению самого императора (РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 3).

можно первую половину года поступать. В другую половину года отмену учинить и другие дела начать»¹²). Вместе с тем стремление начать обучение императора-ребенка с географии и главным образом с истории представляется исключительно интересным. Это особенно бросается в глаза, учитывая, что принятие решения такого рода происходит всего через несколько лет после смерти Петра I.

Основатель империи, как известно, возводил в культ совершенно иные науки. Это видно уже из плана по обучению царевича Алексея Петровича, предложенного его воспитателем бароном фон Гюйсенем. Старшего сына Петра I намеревались учить богословию, арифметике, геометрии, географии, иностранным языкам, фехтованию, танцам и верховой езде. Эта довольно обширная программа так и не была воплощена в жизнь¹³. Главное же заключается в том, что как и в случае с обучением царевича, в большинстве образовательных программ для дворянских недорослей петровского времени гуманитарные дисциплины существенно уступали по значению арифметике, геометрии, фортификации и черчению. История в списке обязательных предметов зачастую вообще не появлялась. По мнению Петра I, дворянину надлежало обладать прежде всего знаниями в области технических наук и рядом практических навыков.

Со смертью Петра Великого изменилась сама система приоритетов. В определенном смысле произошло «открытие» истории. При этом смерть преобразователя стала своего рода точкой отсчета для формирования линии новой истории России.

¹² РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 4.

¹³ С середины 1700-х гг. воспитатель царевича Г. фон Гюйсен начал выполнять дипломатические поручения, требующие продолжительного пребывания за границей, а наследник, вынужденный часто прерывать обучение, часто находился в селе Преображенском без какого бы то ни было присмотра. Вероятно, именно поэтому уровень знаний царевича не был достаточно высок. Он свободно говорил по-немецки, мог изъясняться на французском, однако очень плохо знал математику, не умел составлять чертежи, а столь любимой его отцом фортификацией начал заниматься лишь по достижении 18 лет.

Это предположение подтверждается текстом приведенного документа. Дело в том, что в «Расписании учебных занятий императора Петра II» древняя и новая история не просто показаны по-разному, каждый из хронологических этапов особым образом акцентирован. Как следует из материалов дела, в древней истории для императорского обучения значимость представляют основные исторические события («главнейшие случаи прежних времен»), изменения мировой карты («перемены, приращения и умаления розных государств»), а также — и этот аспект выделен как приоритетный — деятельность выдающихся государственных деятелей («добродетели правителей древних с воследованною потом ползую и славою») ¹⁴. По этому предмету в течение полугода надлежало пройти «ассирийскую, персиккую, греческую и римскую монархию» ¹⁵ (здесь и далее курсив мой. — Е.Б.).

Новая история, как предполагалось, должна быть исследована венценосным воспитанником иначе. Помимо собственно исторических событий («новое деяние» каждого государства) Петру II надлежало комплексно изучать историю государств («форма правительства», династический план, (гео)политические интересы). Приоритет отдавался истории сопредельных держав, при этом важным оказывалось изучение «силы и слабости... пограничных государств» ¹⁶.

Разное по своей сути содержание того, что в тексте названо «древней» и «новой» историей, представляется чрезвычайно важным. Так, для древности особое значение имеет, помимо изменения карты мира, деятельность «великих мужей», которая, согласно предложенной формулировке, протекала в рамках монархических государственных структур. Напротив, описывая принципы преподавания новой истории, автор документа призывает обращать внимание прежде всего на соседние государства, но

¹⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 2 об.

совершенно игнорирует актуальный для древней истории рассказ о добродетелях государей, которые в этом случае оказываются еще и соседями. В целом такая установка вполне объяснима. Все многообразие исторических персонажей древней истории неизбежно отходило на второй план, уступая место одной единственной фигуре из новой истории России — монарху, который должен был стать высоким образцом для юного императора, его внука.

Несомненно, для русского XVIII в. выстраивание образа правящего монарха с учетом многочисленных отсылок к фигуре основателя империи Петра I — это четко выстроенный и многократно востребованный образец. Ведь после смерти первого императора культ, сложившийся вокруг его фигуры, всецело доминировал как в широком властном, так в более локальном династическом дискурсах¹⁷. В историографии справедливо утвердилось мнение, что контаминации такого рода имели значение для императрицы Елизаветы Петровны и, по крайней мере, в первой половине царствования, для Екатерины II¹⁸. Однако анализ материалов второй половины 1720-х гг. позволяет говорить и о том, что такие дискурсивные практики появились значительно раньше. Показателен, следующий документ:

«Божей Милостию мы Петр Второй Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Нашей Коллегии иностранных дел.

Сего мая 17 дня указали мы впредь сего нашего указа Васильевской остров в письмах писать и словесно называть остров Преображенской, и нашей коллегии ино-

¹⁷ Об этом подробнее см.: Болтунова Е.М. Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII — XVIII вв. // Изобретение империи: языки и практики. М., 2011. С. 49–91; Она же. Петр Великий в топографии града Петрова: идея преемственности власти в символике императорских мест Санкт-Петербурга XVIII в. // Труды Государственного Эрмитажа. Петровское время в лицах — 2006. Вып. XXXII. СПб., 2006. С. 52–60.

¹⁸ Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 105–146.

странных дел о том ведать, а в Сенат, в оные обе военные коллегии о вышеписанном наши указы посланы...

По указу Его Императорского Величества советник Василий Степанов, обер-секретарь Анисим Маслов»¹⁹.

Очевидно, переименование Васильевского острова северной столицы в Преображенский не имело практического смысла, а, напротив, носило исключительно символический характер: перед нами попытка выстроить монарший образ юного Петра II, активно используя существующий (и абсолютный по значению, по крайней мере, для последующего столетия) образец.

Можно не без основания утверждать, что такая традиция символической легитимации власти была изобретена при активном участии А.Д. Меншикова. Это была одна из первых попыток подобного рода. Обращает на себя внимание и то, что указ был объявлен всего через несколько дней после смерти Екатерины I, скончавшейся 6 мая 1727 г., т.е. фактически стал одним из первых актов нового царствования вместе с указами о пожаловании А.Д. Меншикова в генералиссимусы (12 мая) и о погребении усопшей императрицы в крепости (16 мая)²⁰. Указ этот вполне четко исполнялся: отсылки к «Петербургскому Преображенскому острову» несколько лет фигурировали и в официальном делопроизводстве²¹. Идея создания в Петербурге своего рода Нового Преображенского получила дальнейшее развитие, поскольку именно здесь, всего в нескольких метрах от Меншиковского дворца, был заложен новый императорский дворец.

Поразительно, но после падения А.Д. Меншикова такая установка не была отвергнута пришедшим к власти кланом Долгоруких. Последние по сути продолжили развивать прежнюю линию: в символическом отношении император-ребенок Петр II не просто позиционировался

¹⁹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 47. Л. 30–34 об.

²⁰ Там же. Л. 35.

²¹ См., напр.: РГАДА Ф. 248. Кн. 739 (1729 г.). Л. 244; Кн. 909. Л. 74.

как наследник своего великого деда, он был новым воплощением Петра-основателя, Петра-демиурга.

Примечательны в этой связи материалы подготовки к коронации Петра II в Москве. В сложный период серьезных перестановок при дворе, вызванных неожиданным для многих падением князя А.Д. Меншикова и последующим переездом двора в Москву, далеко не все сановники смогли четко сориентироваться и тем более предсказать поразительную во многих отношениях преемственность ряда оценок и положений при переходе власти от Меншикова к Долгоруким. Интересен, например, процесс выбора места проживания императора в Москве. В материалах РГАДА сохранились письма Гаврилы Головкина, который, находясь в Москве, участвовал в подготовке коронации. Он непосредственно занимался выбором подходящего случая помещения, что, с одной стороны, вызвало немало проблем, а с другой, давало простор для разного рода трактовок и предположений. Головкин, в частности, сообщал в Петербург Ивану Мусину-Пушкину: «В пришетствие Его Императарского Величества надеемся, что *изволит жить в Москве, в Кремле*. И про Его Величество полаты лутче... средние и верхние и в которых *преж сего живала царица Марфа Матвеевна*»²².

Идея поселить Петра II в Кремле не встретила поддержки, и палаты царицы Марфы Матвеевны продолжали пустовать. Зато в Петербурге быстро поняли, что следует обратить внимание на район старой московской Немецкой слободы, и из северной столицы уже летели приказы о спешной починке сохранившихся здесь дворцов²³.

Действительно, петровские места Москвы не потеряли своего значения к концу 1720-х гг. Более того, эта, по сути, московская периферия, как и при Петре I, осталась центром власти. Ведь двор Петра II разместился в Лефортовском (Петровском) дворце на Яузе, построенном для

²² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 26 об.

²³ Там же. Л. 17–17 об.

одного из фаворитов Петра Великого Франца Лефорта, но активно использовавшемся первым императором в начале царствования. Долгорукие с принцессой-невестой разместились в соседнем Головинском дворце. Следует отметить, что документы того времени не называют этот район Лефортово. Напротив, часто эта местность оказывается топографически связанной с известным петровским селом Преображенским или Немецкой слободой²⁴. Так Петр II, покинув петербургский *Преображенский остров*, переместился чуть ли не в московское село *Преображенское*.

Это далеко не единственное свидетельство. Показательны проекты триумфальных арок в честь коронации Петра II, символическое оформление которых почти всегда предполагало морские и военно-морские коннотации²⁵. И хотя юный император не любил ни кораблей, ни моря²⁶, это не имело никакого отношения к символическим структурам, в соответствии с которыми выстраивался официальный образ юного монарха.

Возможно, Долгорукие были готовы пойти в этом вопросе еще дальше. Так, в невесты Петру была выбрана 17-летняя Екатерина, а не 14-летняя Елена, хотя иностранные дипломаты в депешах сообщали: вопрос о том, какая именно из дочерей А.Г. Долгорукого станет невестой императора,

²⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 1–26.

²⁵ Там же. Л. 105–110 об.

²⁶ Наиболее четко это выразил испанский посол в России, сообщивший своему правительству в 1728 г., что «царь (Петр II. – Е.Б.) не терпит ни моря, ни кораблей и страстно любит псовую охоту. Здесь, в Петербурге, негде охотиться, но в Москве очень можно, почему никто не сомневается, что, переехав туда один раз, он едва ли возвратится... и причины, для сего приводимые, кажутся мне не неосновательными» (*Герцог Лирийский*. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 197). В формулировке подобного рода Петр II оказывается полной противоположностью своему деду Петру I – он равнодушен к деятельности, которой следует заниматься монарху, т.е. военному и военно-морскому делу, зато увлечен совсем не имперской охотой. Между прочим историк Н.И. Павленко упоминает, что интерес Петра II к охоте был не столь уж продолжительным. Ссылаясь на слова саксонского посланника Лефорта, он отмечает, что император охладел к охоте в ноябре 1729 г. (*Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 124).

какое-то время оставался открытым²⁷. Был ли выбор старшей из дочерей решением самого императора или Долгоруких, сказать сложно. Но в таком случае последние получали возможность определенным образом обыграть совпадение имен покойной императрицы и жены Петра I Екатерины Алексеевны и невесты императора Петра II княжны Долгорукой. Ведь в случае женитьбы юного императора на Екатерине Долгорукой на Российском престоле появилась бы очевидная для всех «реплика» имен — рядом со вторым Петром стояла бы и вторая Екатерина Алексеевна. Такая ситуация могла быть на руку Долгоруким, поскольку предоставляла возможность дополнительной символической легитимации целого ряда действий, а, значит, фамильная гордость древнего рода, вероятнее всего, могла на время отойти в сторону. Впрочем, и оценки происхождения Екатерины I больше не имели принципиального значения. Решающим становился образ сподвижницы и преемницы великого монарха.

В конце 1720-х гг. образ св. Екатерины и связанные с ним государственно-символические структуры ненадолго вновь стали актуальными²⁸. Так, обручению Петра II и Екатерины Долгорукой предшествовала большая «поздравительная аудиенция» в Головинском дворце, устроенная для «чужестранных министров» в день св. Екатерины 24 ноября 1729 г. При этом принцесса-невеста принимала поздравления «как с настоящим супружеством, так и с тезоименитством»²⁹. При обручении ей был пожалован орден Св. Екатерины.

Возвращаясь к материалам архива, отметим, что, как уже указывалось выше, спустя три десятилетия после описанных событий план учебы Петра II вновь был затребован двором, на сей раз — императрицей Елизаветой

²⁷ СИРИО. Т. 5. С. 318; 1891. Т. 75. С. 153; Оснадцатый век. Кн. 2. М., 1869. С. 114.

²⁸ Показательно, что во время правления Анны день св. Екатерины исчез из списка государственных праздников (*Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. Northern Illinois University Press, 2011. P. 139*).

²⁹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 16. Л. 3 об.

Петровной. Возможно, его «примеривали» на будущего Павла I или, по крайней мере, хотели частично использовать при разработке программы обучения великого князя. Ведь именно в это время воспитанием Павла Петровича начал заниматься Н.И. Панин, а годом позже Елизавета подписала небезызвестную инструкцию о принципах воспитания будущего наследника³⁰.

Интересно, что перечень предметов к изучению в елизаветинском наставлении был опущен. Вместе с тем императрица особо остановилась на том, что в документе названо, с одной стороны, «долгом», а с другой, «жребием» наследника — его обязанностью воспринять российский престол. Говоря о необходимости подготовить великого князя к этой роли, Елизавета указала Панину на важность воспитания в наследнике любви к Отечеству. Более того, она предложила путь к достижению такого результата: «как человек любит вещь, когда он знает ея достоинство и дорожит оною, когда видит, что польза его состоит в сохранении оной: то надлежит предпочтительно пред другими науками подать его высочеству совершенное знание об России, показать ему, с одной стороны, из дел прошедших и нынешних, особливо родителя нашего времен, изящныя качества Российскаго народа, неустрашимое его мужество в войне, непоколебимую его верность и усердие к отечеству, а, с другой стороны, плодородие и почти во всем изобилие пространных Российских земель, и, наконец, надежные отечества нашего достатки и сокровища, кои оно в недрах своих сохраняет»³¹. Фактически, несмотря на содержащуюся в тексте формулировку: «что касается до наук и знаний вообще, то признаваем мы излишно распространиться здесь подробным оных оглавлением»³²,

³⁰ *Елизавета I*. Инструкция обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче, господину генералу поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину (1761 г.) // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. 1. С. 19–20.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 20.

перед нами четкое указание на конкретные дисциплины, способствующие усвоению знания о России, а именно на историю и географию. При этом в истории («изучение... дел прошедших») особое внимание, по рассуждению императрицы, должно было уделяться царствованию Петра Великого («родителя нашего времени»), а также истории войн («неустршимое его (российского народа. — Е.Б.) мужество в войне, непоколебимую его верность и усердие к отечеству»). Преподавание же наследнику географии («дела нынешние») предполагало в первую очередь рассмотрение обширности государства и богатства его недр.

Очевидно, что отдельные принципы обучения, установленные для Петра II еще в конце 1720-х гг., оставались актуальными, по крайней мере, на протяжении нескольких последующих десятилетий. Особенно это касается восприятия истории как фундамента обучения, а также значимости фигуры основателя империи Петра I для формирования образа нового монарха. Более того, в данном случае можно указать на то, что в XVIII в. план обучения одного из императоров оказался через какое-то время востребованным при подготовке проекта воспитания другого монарха. Указание подобного рода вступает в противоречие с некоторыми устойчивыми историографическими трактовками русского XVIII в. Ведь «эпоха дворцовых переворотов» зачастую представляется временем, когда образ престолонаследника воспринимался независимо от образа его предшественников-мужчин, остававшихся у власти совсем недолго. Думается, что такая позиция не вполне корректна.

Приложение

1727 г. июня 21. — Расписание учебных занятий императора Петра II.

Помета: (Л. 1) В присланном из Московского архива 2 марта сего 1760 года в запечатанном пакете под здешним номером № 35 по распечатанию явилось следующее.

Предложение о разделении часов, которое Его Императорское Величество к своим указам и забавам употребить изволит.

Понеже часы к наукам и забавам всегда переменяются имеют, того ради о раздроблении оных надлежит наипаче смотреть предполудня и такое, ежели Его Императорское Величество обыкнет порядочно в 9 или 10 часу почивать ложитца, то может паки в 7 или в 8 часов встать.

И понеже ни что благословенно быть не может, что не с Богом начато, произведено и совершено бывает, то б первое и наиважное было, чтоб Его Императорское Величество, коль скоро встанет, прежде всего (Л. 1 об.) чинить имел, чтоб к Богу обратился и умиленною молитвою себя ему наиприлежнейше препоручил.

По совершении молитвы может Его Императорское Величество или евангелистов, или иную какую божественную книгу к своему обучению читать, или читать повелеть, а имянно — таким образом, что в один день евангелисты, в другой — апостольское деяние, а в третьей иная какая божественная книга, например, житие святых отцов или сему подобные чтены быть могут.

Потом отдохнув немного, можно науки предвосприять, а имянно сим порядком.

В понедельник: От 9-го до 10-го часа читать историю и вкратце главнейшие случаи прежних времен, перемены, приращения и умаления розных государств, причины тому, а особливо добродетели правителей древних с воспоследованною потом ползою и славою представлять. (Л. 2) И таким образом можно во время полугода пройти ассирийскую, персидскую, греческую и римскую монархию до самых новых времен, и можно к тому ползоваться яко автором первой части исторических дел Яганом Гибнером, а для приискивания Билдесалом. От 10 до 11 может Его Императорское Величество отдохнуть или по соизволению в своих покоях забавляться. От 11 до 12 часа продолжать древнюю историю. От 12 до 2 часа оставляется на кушание и покой Его Императорского Величества.

По полудни: От 2-го до 3-го часа на танцование и на соизволяемой при том концерт употребить. (Л. 2 об.) От 3-го до 4-го часа географию от части по глобусу по ландкартам показывать и к тому употребить краткое описание Гибнерово. От 4-го до 5-го часа паки на забаву Его Императорского Величества определяетца, и можно гуляним забавляться. От 5-го до 6-го часа инде, где покоитца, от 6 до 7 прежние забавы продолжать.

Во вторник: От 9 до 10 часа для отмены против прежняго дня новую историю трактовать, и в онои по приводу господина Пуффендорфа, новое деяние каждого, а особливо пограничных государств представлять и в прочем известии о правительствующей фамилии, каждого государства интересе и форме правительства, силе и слабости помалу подать, от 10 до 11 часа останется на покой, от 11 до 12 часа продолжать новую историю. (Л. 3) По полудни: От 2 до 3 часа забавляютца игрой, названною волянтеншпиль. От 3 до 4 часа математические операции, арифметику и географию учить. От 4 до 5 часа можно забавляться стрельбою в мишен, от 5 до 6 немного отдыхать. От 6 до 7 часа одну забаву из прежних продолжать.

В среду: До полудни будет Его Императорское Величество присутствовать в Тайном совете и болше того ничего иного чинить не будет. По полудни: От 2 до 3 часа обучатца бильярдом. От 3 до 4 часа продолжать древнюю историю. От 4 до 5 часа забавлятца ловлею на острове. От 5 до 6 часа можно покоитца, а от 6 до 7 часа продолжать прежнюю забаву.

(Л. 3 об.) В четверток: От 9 до 10 часа география. От 10 до 11 часа отдыхать. От 11 до 12 часа паки география. По полудни: От 2 до 3 часа танцовать. От 3 до 4 часа новую историю. От 4 до 5 концерт музыкаской. От 5 до 6 продолжать музыку или отдыхать. От 6 до 6 то же или гулять ездить.

В пятницу: Пред полуднем присутствует Его Императорское Величество в Тайном совете. По полудни:

От 2 до 3 часа волянтеншпиль или бильярдом. От 3 до 4 часа протчия математическая части и искусства из механики, оптики и прочее. От 4 до 5 часа на лошадях гулять ездить. От 5 до 6 часа отдыхать. (Л. 4) От 6 до 7 часа продолжать одну из протчих забав сегодни.

В субботу: По полудни можно по изволению то, что в георгафии, математике во всю неделю учено, твердить. По полудни от всех разделенных часов свобода.

Вышереченным образом можно первую половину года поступать. В другую половину года отмену учинить и другие дела начать. X каждой науке надлежит собственное краткое описание сочинить, которое к обучению Его Императорского Величества особливо учреждено быть имеет.

Ежели Его Величество в вечеру о 7 или о 8 часа кушать изволит, то может после ужина, пока час к почиванию придет, паки из божетственной книги что ни будь читать повелеть и потом (Л. 4 об.) по совершении молитвы во имя Божие на покой идти.

На оном предложении подписано пако: Вышеписанное предложение написано набело вдвое и подписаны обои от особ переходного Верховного тайного совета, а имянно: генералиссимуса и рейхсмаршала светлейшего князя Меншикова, генерала адмирала графа Апраксина, канцлера графа Головкина, действительного тайного советника князя Голицына. И одно из оных предложений поднесено от оных Его Императорскому Величеству, а другое в тож время отдано вице канцлеру и действительному тайному советнику барону Остерману. Июля 21 дня 1727 году.

Помета на полях: Сей очерченной пункт в белом предложении выпущен, а вместо него написано в оригинальном следующее: «Что надлежит до церкви и молитвы, о том Его Императорскому Величеству донесено будет впредь». Сего очерченного пункта сообщена копия членам Святейшего Синода, июля 17 1727 года, а имянно отослана она к архирею Ростовскому.

РГАДА Ф. 156. Оп. 1. Д. 198. Л.1—4 об.

